

Издавать на пачках чая

В Гоголевке прошел творческий вечер Владимира Угрюмова, читавшего стихи, рассказывавшего о поэзии. Владимир - поэт. Заметьте: я не написал “настоящий”, “замечательный” и даже “кузбасский”. Поэт может быть только поэтом. Так что сегодня читаем его новые стихи с предисловием питерского поэта Виктора Бондарева.

Валерий Немиров.

“С Владимиром Угрюмовым я познакомился при поступлении в Литинститут и в годы учебы. У него уже тогда была книга собственных стихов и собственное мнение обо всем. Стихи были обращенными в себя. Стихи, как диалог с собой, без расчета на подслушивающих. Ни политики, ни острых тем. Ни гнева. Ни секса. Никакого заигрывания с обществом. Ни крови, ни понтов. Ничего из набора всего того, что в рифмованном варианте любит почитывающий обыватель. Но столько воздуха в стихах Угрюмова. Только успевай переводить дыхание в пути среди его образов. Дыши и думай. А выражение своего мнения в критике у него было как удар боксера. Мгновенно и точно. Минимум слов и максимум образов. В дальнейшем общении с Владимиром я понял, что мне не важно, какие стихи он пишет и о чем они. Он мог бы вообще их не писать. Владимир и без стихов - настоящий поэт. С ним можно помолчать. С ним есть о чем помолчать. А его выражения и фразы, высказывания и размышления ни о чем и в то же время обо всем сразу нужно записывать и издавать. Издавать на пачках чая. Попиваешь крепкий чаек - наслаждаешься крепким выражением. Крепким, потому что прочно и надолго. Он ничего не придумывает, а проживает каждую фразу, каждую строчку, каждую букву и запятую. Прислушивайтесь к речи Владимира Угрюмова, потому что в ней настоящая поэзия, настоящее искусство. Присматривайтесь к его жизни, потому что она и есть - жизнь творческой боевой единицы в потоке миллионов пленных, захваченных бытом и битом, кредитом и аудитом. Торопитесь познавать. Торопитесь дышать кислородом. И улыбайтесь. Иначе: остановка “Дом культуры”, следующая остановка

“Шлакоотвальная”.

Импровизация, за ней ворчание и тишина. Конец переписки”.

Поэт Виктор Бондарев, Санкт-Петербург.

Владимир Угрюмов

Что сделаешь - осень.

Что сделаешь, что?

Ответ не в вопросе, в листве золотой. И женщина плачет,

хохочет, не спит.

К ней вечностью скачет

жених и звенит

подковой. Обычно,

обычно всё:

бутылка “Столичной”

и томик Басё.

Слепые невесты

танцуют метель,

и пьяный забытый,

один в пустоте.

* * *

То ли было, то ли будет,

но закончится не зря.

Звезды... нет, на сером блюде

пончики огнем горят.

Вот на пончик муха села,

ворон вторгнулся в окно.

Шумно в мире то и дело,

часто даже не смешно.

Даже часто это вечно

все, живущее без слов:

свет от солнца, смех беспечный,

крики радостных ослов.

* * *

Улыбнись, как в небо кану.

Улыбаться - это просто.

И друзья не по карману,

И печали не по росту.

Затихают к ночи звуки,

Крики тоже затихают.

Хорошо с людьми в разлуке

Говорить - с людьми - стихами.

Как в нетронутую бездну,

Как с рисунками на стенах.

Даже если бесполезность

Перспективна в переменах.

Даже если небо грозно,

Ни одна звезда не дышит.

Улыбнись, пока не поздно,

Прямо в небо или выше.

* * *

В небе метель и метель на земле.

Мертвую водку
мне в стопку налей.
Той, неподвижной
и праздничной той.
Выпью с тобою,
ты выпей со мной.
Ты просто так, да и я просто так.
Снег то подступит,
то схлынет во мрак.
Я присмотрюсь и во мраке найду
Светлую точку - большую звезду.
* * *

И биение сердца,
И битье по щекам.
Все - желанье согреться
И любовь к облакам.
Распекать и судачить,
Порицать, вопрошать,
Спотыкаться о сдачу
С одного беляша.
И не видеть, что выход -
Это тоже исход.
Неожиданно тихо
Начинается год.
Мне размышлять? -
спрошу - зачем? -
и на ходу пойму, что - стоит.
Но в наводнении речей
помалкиваю непристойно.
Отправлюсь вечером домой
и чай отверженный запарю.
Заговорят тогда со мной
чужие судьбы как литавры.
И день воскреснет в мелочах,
слетятся мотыльки из тени
и в тень вернуться, замолчав,
чтоб стать творением нетленным.
* * *

Обещанного не желаю.
Смотрю на радостях в ответ
И, кажется, я точно знаю,
Что никаких вопросов нет.
Смотрю, а радость есть ли,
нет ли,
Но день прозрачен как слеза,
И чопорно, в бубновом ветре
Летит навстречу стрекоза.
Июльский полдень -
час расплаты
За многословие зимы.
И мальчик с сахарною ватой
Поверил в Иерусалим.